

НОВЫЙ
РОМАН
ЧИНГИЗА
АБДУЛЛАЕВА

*— Вы, наверно,
шутите. Господин
Дронго в реальной
жизни не существует.
Иначе он был бы
слишком идеальным
сыщиком для нашего
не идеального мира.*

Чингиз Абдуллаев

Хорошие
парни
не всегда
бывают
первыми

ЭКСМО

Чингиз Акифович Абдуллаев
Хорошие парни не
всегда бывают первыми
Серия «Дронго», книга 77

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=183335

Чингиз Абдуллаев. Хорошие парни не всегда бывают первыми: Эксмо;

Москва; 2009

ISBN 978-5-699-36113-7

Аннотация

Для Дронго, известного эксперта-аналитика, предстоящее морское путешествие обещало стать незабываемым – еще бы: острова французской Полинезии, экзотика, огромный комфортабельный океанский лайнер, поражающий своим великолепием... Вояж действительно получился незабываемым, но по другим причинам: вместо того чтобы наконец расслабиться и наслаждаться отдыхом, Дронго пришлось распутывать очередное убийство – на борту корабля в одной из кают был обнаружен мертвый российский турист, один из владельцев компании «Якутские алмазы», Игнат Северцов. Круг подозреваемых оказался на удивление широким – с убитым были знакомы не только путешественники из российской группы, но и туристы из Прибалтики. А тут еще убийца, явно желая запутать

следствие, подбрасывает ключ от каюты Северцова в карман пиджака самого Дронго...

Содержание

Глава первая	5
Глава вторая	20
Глава третья	32
Глава четвертая	45
Глава пятая	61
Конец ознакомительного фрагмента.	68

Чингиз Абдуллаев

Хорошие парни не всегда бывают первыми

*Согласитесь, что закон мог бы служить
превосходной защитой для общественных плутней,
не будь иногда божественной справедливости.
Оноре де Бальзак. «Пьеретта»*

*Уберечь свои деньги почти всегда стоит больших
трудов, чем добыть их.
Мишель Монтень. «Опыты»*

Глава первая

Он стоял на палубе корабля, огромного океанского лайнера «Принцесса Таити», и смотрел на прибывавших пассажиров, которые должны были провести удивительное путешествие по Французской Полинезии. Само путешествие было рассчитано на одиннадцать дней и должно было начаться завтра утром. Это было не только экзотическим времяпровождением, но и знакомством с островами, каждый из которых можно было смело называть уникальным явлением природы.

Считалось, что первым из европейцев эти места увидел знаменитый капитан Джеймс Кук, назвавший их «последним раем на Земле». В этих широтах в конце ноября почти всегда стояла спокойная, умеренная погода, характерная для поздней весны в южных морях.

Высокий мужчина, находившийся на верхней палубе, смотрел, как к лайнеру беспрерывно подъезжают легковые автомобили и автобусы. Сама «Принцесса Таити» могла поразить воображение любого стороннего наблюдателя. Судно, водоизмещением в более чем тридцать тысяч тонн, имело одиннадцать палуб, семь баров, четыре ресторана, бассейны, казино, салон красоты, спа, фитнес-центр, галерею бутиков и при этом могло принять шестьсот восемьдесят пассажиров, среди которых были очень состоятельные люди из Японии, Америки, Австралии, Сингапура, Германии, Франции, Великобритании. Каждая организованная группа прибывала на своем автобусе, часто с национальными флагами. Некоторые предпочитали личные лимузины, которые подвозили их к причалу. Эти «счастливчики» жили обычно в огромных каютах, называемых суперсюитами. В этих каютах были две большие комнаты, спальня и столовая, причем в обеих были установлены большие плазменные телевизоры. В ванной комнате находилось джакузи. В столовой, кроме дивана, журнального столика с двумя креслами, был еще и обеденный стол, а из гостиной открывался удивительный вид на океан. Суперсюиты, как правило, бронировали звезды спор-

та и бизнеса, позволяя себе такой роскошный отдых в этих апартаментах. В последние годы в таких сюитах останавливались и высшие чиновники из стран СНГ, многие из которых были гораздо богаче любых мировых звезд шоу-бизнеса.

Обычные миллионеры останавливались в менее роскошных сюитах с балконами, которые тоже стоили достаточно дорого, но состояли из одной большой комнаты с балконом и двуспальной кроватью. На корабле были также просторные каюты с балконами, каюты с иллюминаторами и внутренние каюты с искусственным освещением. То есть можно сказать, что на этом лайнере имелись каюты сразу пяти видов.

На причал вырулил еще один микроавтобус. Даже отсюда, сверху, можно было различить три цвета большого флага, прикрепленного к боковому стеклу, – цвета российского триколора. И хотя они напоминали голландские и французские цвета, но смотревший сверху мужчина знал, чем отличаются продольные линии голландского и поперечные линии французского флагов от российского.

Из автобуса начали выходить люди. Первым выпрыгнул молодой мужчина лет тридцати. За ним вышли сразу три женщины. Одной было явно за сорок, хотя большая шляпа не позволяла более четко разглядеть детали ее лица. Две другие были моложе. Мужчины выходили из автобуса, с удовольствием разглядывая огромный океанский лайнер, нависавший над причалом всеми своими палубами. Кто-то показал на корабль, сказав что-то смешное. Послышался смех

остальных членов группы.

Идущая впереди женщина показала на корабль, и пассажиры заторопились. Их чемоданы уже грузили на специальные тележки, чтобы поднять на борт, где их разносили по номерам, уже закрепленными за пассажирами. Высокий мужчина продолжал смотреть на приехавших. Они выстроились в своеобразную цепочку, чтобы пройти к кораблю, когда один из них поднял голову и увидел наблюдавшего за ними человека.

– Не может быть, – потрясенно прошептал он, – такого просто не бывает.

– О чем вы? – поинтересовался следующий за ним сосед. – О чем вы говорите?

– Посмотрите наверх, – шепотом предложил первый, – вы знаете, кто именно стоит на верхней палубе?

– Какой-то мужчина. Отсюда плохо видно. Вы его знаете?

– Конечно, знаю. По-моему, его знают все. Это самый известный эксперт по вопросам преступности. Говорят, что он гениальный аналитик, и нет такого преступления, которое он не смог бы раскрыть.

– Это уже сказки, – ухмыльнулся второй, – таких сыщиков в природе не бывает. Это только в кино или книгах – Шерлок Холмс, комиссар Мегрэ, Эркюль Пуаро или господин Дронго. В жизни их так не хватает.

– Это тот самый господин Дронго, – сказал первый, – можете убедиться сами, когда мы поднимемся на корабль. Это

он, я его сразу узнал.

– Так не бывает, – теперь уже изумился второй, – я думал, что он просто выдумка журналистов, плод воображения писателей.

– Можете убедиться, что он стоит на верхней палубе. Живой и здоровый.

– Как интересно, – задумчиво пробормотал второй, – встретить его в таком отдаленном от цивилизации месте.

Одна из женщин повернулась к ним и усмехнувшись предположила:

– Вы, наверное, шутите. Господин Дронго в реальной жизни не существует. Иначе он был бы слишком идеальным сыщиком для нашего неидеального мира.

Она сказала это достаточно громко, чтобы услышали остальные. Никто не заметил, как вздрогнул еще один пассажир, быстро поднявший голову и посмотревший на Дронго, словно пытаясь его запомнить. Затем он втянул голову в плечи и поспешил пройти по трапу, поднимаясь на корабль. Их было ровно девять человек. Три женщины и шестеро мужчин, составивших российскую группу прибывшую на «Принцессу Таити».

Следом за ними показались и другие автомобили, другие автобусы. Смотревший на прибывающих пассажиров Дронго повернулся и пошел в свою каюту. У него был сюит на правом борту восьмой палубы. Это путешествие он давно планировал совершить и даже собирался отправиться в него

вместе с Джил, но она категорически отказалась от этой поездки. Провести хотя бы одну ночь на океанском лайнере было для нее почти невозможно. При одной мысли об огромной толще воды, которая будет под ними, ей становилось страшно. И хотя сначала она дала согласие и они даже заказали эту большую каюту с двуспальной кроватью, но затем Джил отказалась и ему пришлось лететь одному из Рима. Вот почему теперь Дронго оказался на верхней палубе один и, меланхолично задумавшись, смотрел на прибывающих пассажиров. Он уже знал, что из Москвы должны приехать девять пассажиров, которые решились на такой долгий перелет. Сначала нужно было в течение девяти с половиной часов добираться до Токио, а затем, проведя ночь в отеле, вылетать самолетами авиакомпании «AJR TAHITI NUI» и одиннадцать часов лететь до острова Таити. Можно было избрать и другой маршрут, вылетев в Париж, а оттуда уже, с пересадкой, на Таити, сделав промежуточную посадку в Лос-Анджелесе. Полет из Парижа вместе с посадкой в Америке занимал двадцать три часа и был достаточно изнурительным. Поэтому многие предпочитали «восточный вариант».

Но путешественников из России, очевидно, не пугало такое расстояние, если они могли шутить и смеяться после столь долгого перелета. Дронго вспомнил, что добирался сюда с тремя посадками. Очень долгое пребывание в самолете, даже если летишь первым классом, было тяжким испытанием для его нервной системы. Но красоты острова Таити, на-

висшее синее небо, казалось, сливавшееся с океаном, бурная дикая растительность, причудливо изогнутые пальмы, белые облака, плывущие по небу, и величественные горы заставляли забыть о трудном перелете и порадоваться за самого себя, сумевшего увидеть подобную красоту.

Он снял пиджак, повесил его на спинку кресла. И в этот момент в дверь постучали. Дронго взглянул на часы. Только половина первого. Кто это может быть? Неужели хотят убрать его каюту по второму разу. Он поднялся, подошел к двери и открыл ее. На пороге стоял мужчина лет сорока пяти. Среднего роста, круглое лицо, немного узкие глаза, свидетельствующие о том, что среди его предков были не только славяне, но и азиаты, большие роговые очки, внимательный взгляд, полные губы, большие уши, прижатые к несколько вытянутой голове. У него уже отчетливо наметилась лысина, которая обещала со временем окончательно лишить его волос. Он был одет в дорогой костюм от Зилли. Растегнутая рубашка была от другой известной голландской фирмы.

– Добрый день, – сказал Дронго по-русски, – что вам нужно?

– А почему вы сразу заговорили со мной по-русски? – спросил незнакомец. – Может, я из Австралии или Германии.

– Во-первых, сразу видно, что вы из России. Даже по вашей внешности. А во-вторых, я видел вас, когда вы выходили из автобуса с российским флагом. Поэтому и обратился

к вам по-русски.

– Ясно. А я думал, что вы сразу поразите меня своим «дедуктивным методом». Вместо этого вы указываете такую банальную причину.

– Вы ошиблись адресом, – усмехнулся Дронго, – этим методом пользовался герой английского писателя Артура Конан-Дойла. Я думаю, что в библиотеке нашего лайнера наверняка есть его книги. Хотя, возможно, и на английском. Вы хорошо знаете английский?

– Да, – улыбнулся неизвестный, – но я пришел именно к вам, господин Дронго. Вы разрешите мне вас так называть?

– Меня обычно так и называют. Раз вы уже знаете, как ко мне обращаться, значит, не ошиблись адресом. Входите.

Он посторонился, пропуская гостя в каюту. Тот вошел, огляделся.

– Извините, что я вас беспокою. Я Северцов. Игнат Никодимович Северцов.

– Очень приятно. Садитесь, – показал Дронго на кресла, стоявшие у журнального столика.

– Итак, – сказал Дронго, – судя по всему, у вас очень важное дело, если, не успев вступить на палубу корабля, вы сразу узнали, где находится моя каюта и поспешили ко мне. Интересно, каким образом вы узнали, где именно я нахожусь?

– Узнал в службе размещения, – честно ответил Северцов, – дело в том, что в нашей группе оказались люди, которые вас сразу узнали. Они даже знают вашу настоящую фа-

милию. С нами сюда прилетел Борис Сигизмундович Ваккер. Он сразу вас узнал, увидев издалека. Оставалось только уточнить, в какой каюте вы находитесь. Как видите, здесь тоже все просто, никакой мистики.

– Понятно. И у вас такое неотложное дело, что вы сразу решили приступить к моим поискам?

– Честно говоря, да.

– В какой каюте вы остановились?

– На седьмой палубе. Кажется, семьдесят один четырнадцать. У меня большой двухкомнатный сюит с балконом, выходящим на океан. Говорят, что это лучшие номера на этом кораблике. В туристическом агентстве меня уверяли, что это один из самых лучших и надежных кораблей в этой части земного шара.

– Не перехвалите, – пробормотал Дронго, – вы знаете, что один из портовых рабочих написал на палубе «Титаника», когда тот готовился к спуску на воду?

– Нет.

– «Титаник» настолько поражал воображение современников своими масштабами и внутренним устройством, что один из рабочих написал: «Пусть Бог потопит этот корабль, если сможет». Представляете?

– И Бог, конечно, потопил, – понял Северцов, – вот видите. Я еще раз убедился, что поступил правильно, придя к вам. Но на Бога надейся, а сам не плошай.

– Я вас слушаю.

– Дело в том, – Северцов оглянулся, словно боялся, что на балконе окажется посторонний, который сможет их услышать, – дело в том, что я работаю заместителем генерального директора компании «Якутские алмазы». Вы когда-нибудь слышали о такой компании?

– Кое-что. Насколько я знаю, в мире есть монополисты на все продаваемые в мире необработанные драгоценные камни, это компания «Де Бирс», которая сотрудничает в том числе и с вашей компанией, скупая у вас алмазы, чтобы сохранить приемлимую цену на мировых рынках. Все правильно?

– Почти. Алмазы продаются на биржах, затем над ними работают профессионалы, которые придают камням законченную четкость, превращая их в бриллианты. Каждый бриллиант – это обработанный алмаз, который имеет пятьдесят шесть боковых граней. При этом грани обрабатываются таким образом, чтобы падающий на поверхность пучок света подвергался в бриллианте полному внутреннему отражению. Это целая наука. Лучшие мастера – в Амстердаме и Тель-Авиве, хотя у нас тоже есть мастера высочайшего класса.

– С чем вас и поздравляю. Лекция закончилась. Теперь переходите к самому важному. Зачем вы хотели меня так срочно видеть?

– Дело в том... дело в том, что мне грозит опасность. Меня могут убить. И я нуждаюсь в квалифицированной защи-

те. Вы меня понимаете? Мне угрожает очень большая опасность. И поэтому я сразу пришел к вам.

– Теперь давайте по существу. Если вам угрожает такая опасность, то почему вы решились на такой долгий перелет на Таити. Здесь спрятаться труднее всего, каждый европеец на учете. Легче было затеряться у себя в Якутии или в Москве. Или даже сбежать в Европу.

– Вы правы... Но я не думал... Я не думал, что все так произойдет. Что они найдут меня даже здесь. Даже там, в Японии. Это было просто невозможно. Глупо и невозможно. Но так получилось... И они меня нашли...

– Если вы будете что-то бессвязно бормотать, то я вообще ничего не пойму. Давайте более спокойно. Не нервничая.

– Да, конечно. Извините. Дело в том, что я работаю заместителем генерального директора компании уже второй год. Предыдущий заместитель погиб при невыясненных обстоятельствах – говорят, что он упал с балкона восьмого этажа. Вот так наклонился и упал. Следователи написали, что это была случайная смерть. Можете себе представить, чтобы так «случайно» умер заместитель генерального директора компании с оборотом в десятки миллионов долларов. У нас никто не поверил в такую «случайность». Но следователи считали, что все так и было. Дверь была заперта изнутри, а кроме него, в квартире никого не было. Он вышел на балкон, очевидно, перегнулся и полетел вниз. Некоторые даже предполагали самоубийство, но он не оставил никаких

записок, никаких записей. Только суп, который он подогревал для себя на газовой плите. Суп почти выкипел, когда в квартиру вошли сотрудники милиции. И это тоже было не в пользу версии самоубийства, ведь нормальный человек не станет кипятить суп перед тем, как выброситься с балкона. В общем, следствие довольно быстро закрыли.

– Как его звали?

– Раздольский. Леонид Маркович Раздольский. После него заместителем назначили меня, ведь я был руководителем финансового отдела. У нас, правда, провели в компании комплексную ревизию и проверку, но ничего существенного не нашли. А отдельные недостатки встречаются повсюду. Как и просчеты.

Северцов тяжело вздохнул. Вытащил из кармана небольшой голубой пакетик, раскрыл его. Достал оттуда специальную салфетку для очков и быстро протер стекла.

– Извините, – сказал он, – но у нас действительно ничего особенного не нашли. Хотя вы понимаете, что при таком производстве, как наше, можно найти все, что угодно. Но у нас всегда были очень влиятельные руководители. Это ведь не шутка – мы работаем со стратегическим товаром. Алмазы и бриллианты всегда будут особым товаром, я думаю, вы с этим согласны.

В общем, первые полгода все было нормально. Я ведь работал на этом предприятии уже больше восьми лет и неплохо знаю наше финансовое положение. Даже после начала кри-

зиса оно было достаточно устойчивым. Но примерно через полгода ко мне приехали люди из Башкирии, с уфимского ювелирного завода, которые показали договор, заключенный моим предшественником. По которому мы поставляли около ста тридцати килограммов камней ежегодно в Уфу. Подчеркиваю, необработанных камней.

– То есть алмазов, а не бриллиантов, – уточнил Дронго.

– Правильно, – удовлетворенно кивнул Северцов, – сто тридцать килограммов необработанных камней можно было поставлять в счет нашей нормы, которая оставалась в стране. Согласно большому договору с южноафриканцами, мы можем направлять часть камней для обработки внутри страны на наших ювелирных предприятиях. Я подписал все документы. Прошло еще несколько месяцев, и на уфимском ювелирном заводе началась ревизия. И оказалось, что наше предприятие поставляет им не сто тридцать килограммов, а семьсот. Разница почти в пять с половиной раз. Чудовищная разница. Я полетел туда, и мне показали документы с моей подписью. Я глазам своим поверить не мог. Семьсот килограммов. Откуда такое количество? Это был самый настоящий шок. Просто кошмар.

Я вернулся к себе и начал проверять нашу документацию. Пошел к генеральному директору. Он даже не захотел меня слушать. Сказал, что такого не может быть в принципе. Но оказалось, что очень даже может. Камни воровали прямо с рудников и вывозили под видом отходов. Ну, это долгая ис-

тория. Там действовала целая группа.

Северцов потерял переносицу, поправил очки. Блеснули его часы. Это была известная швейцарская фирма.

– Вы, наверное, уже читали в газетах или слышали. Это было очень крупное дело. Хищение драгоценных камней в таких масштабах. И самое поразительное, что я даже не подозревал о том, чем занимался мой предшественник. И эта моя подпись на документах. Меня столько раз допрашивали, вызывали в Москву, дергали, беспокоили. И в конце концов даже на время отстранили от работы. Я уехал на лечение в Германию, потом в Швейцарию. Сердце болело. Пробыл там два месяца, но вернулся обратно. Скоро будет суд, и я должен буду выступить основным свидетелем. Это уже потом мне объяснили толковые адвокаты, что моя подпись была элементарно сканирована на документы. Сейчас есть такая техника. Но откуда мне было тогда знать. Потом, конечно, во всем разобрались и мне даже разрешили снова вернуться в свой кабинет. Хотя переживания даром не прошли, я заработал аритмию. Через три недели должен состояться суд над этой бандой. Моя семья решила, что мне нужно элементарно отдохнуть, немного развеяться. Они настояли, чтобы я отправился в эту поездку. Дело в том, что моя супруга работает в Москве доцентом кафедры и не могла улететь. У нее как раз скоро начнется сессия. Мы так и живем на два дома. Я летаю к ней, она иногда ко мне. Поэтому мои родные решили, что я должен лететь один, чтобы немного отдохнуть и

отвлечься от всех этих непонятных историй с исчезнувшими камнями.

Дронго молчал. Он внимательно слушал своего собеседника.

– Теперь представьте себе мое изумление, когда в Токио ко мне подошел один из наших и потребовал изменить свои показания в суде, – выдохнул Северцов. – Я даже не поверил ему. Решил, что этот человек просто шутит. Но увы, оказалось, что это совсем не шутка... И самое страшное, что я даже не мог заподозрить, что все так случится и меня найдут даже здесь...

Он не договорил. В дверь постучали.

– Не открывайте двери, – испуганно произнес Северцов, – не нужно открывать двери.

– Не волнуйтесь, – сказал Дронго, – я думаю, в моей каюте вам ничего не грозит.

Он поднялся, проходя к дверям.

– Нет, – крикнул еще раз Игнат Никодимович, – не нужно открывать. Они пришли за мной...

Глава вторая

Дронго открыл дверь. На пороге стояла девушка-официантка. Она улыбнулась пассажиру.

– Простите, мсье, на каком языке с вами лучше разговаривать, – спросила она, – на французском или английском?

– Лучше на английском, – улыбнулся Дронго, – увы, мой французский далек от совершенства.

– В таком случае я хотела узнать, в каком ресторане вы предпочитаете обедать, – спросила она, – у нас на борту есть итальянский ресторан, шведский стол, а также...

– Достаточно. Я пойду в итальянский, – кивнул он. – Когда я должен пройти к обеду?

– Через час, – ответила девушка, – но при желании вы можете заказать обед и в свою каюту.

– Спасибо, не нужно. – Он закрыл дверь и вернулся на свое место.

– Вот видите, – достаточно спокойно сказал Дронго, – она пришла узнать, где я буду обедать...

– Я все понял, – кивнул Северцов, – я ведь говорил вам, что понимаю английский.

– Не сомневаюсь. И еще, наверное, по-немецки.

– Откуда вы знаете? – удивился Игнат Никодимович.

– Просто догадался. Я хочу вам сказать, что мне понравилась ваша история. Она звучит достаточно убедительно...

– Спасибо. Я не сомневался, что такой известный человек, как вы, сумеет мне помочь. Вы согласитесь охранять меня на этом корабле...

– Вы меня не дослушали. Она звучит достаточно убедительно, но только на первый взгляд. Простите меня, уважаемый Игнат Никодимович, но я вам не совсем поверил. Не до конца...

Северцов покачал головой. Снял очки, сжимая их в кулаке.

– Как вам не стыдно, – сказал он негромко, – я пришел к вам за помощью, как к своей последней надежде, последнему шансу. А вы говорите мне подобные слова...

– Не стыдно, – ответил Дронго. – Начнем с вашего предприятия. Вы ведь там работаете уже восемь лет и, насколько я понял, были фактически самым главным человеком после погибшего Раздольского, иначе вас не утвердили бы на эту должность...

– Конечно. Я был начальником финансового отдела. – Северцов надел очки. – Я же говорил вам об этом.

– И ни о чем даже не подозревали? Мне трудно в это поверить. Восемь лет на таком предприятии – и ни о чем не знать. Но предположим, что вы не знали. Даже могу предположить, что вашу подпись сканировали и потом нанесли, хотя это можно проверить. Но затем вас остраивают от работы. Очевидно, для этого были более чем веские причины, а не только сканированная и случайная подпись на одном из

документах. Я ведь профессиональный юрист, господин Северцов, и могу представить, в каких случаях отстраняют от занимаемой должности заместителя генерального директора по финансовым вопросам такой важной компании, как ваша. Стратегически важной...

Северцов нахмурился, но не решился возражать.

– Затем вы уезжаете в Германию и Швейцарию на лечение. Идеальный способ скрыться из страны. Два месяца лечения. Вы сказали, что у вас аритмия? Возможно, но к ней мы еще вернемся. А пока вы живете два месяца в не самых дешевых странах Европы. Интересно, на какие деньги, если вы только недавно получили новую должность? И на какие деньги существовала ваша семья, если ваша супруга живет в Москве, а вы в Якутии? И на какие деньги вы летали к ней, а она к вам? Но предположим, что вы хорошо зарабатываете, тем более если можете позволить себе такую поездку на Таити в конце ноября, в самый «высокий пик сезона». Но с вашей аритмией лететь в южные моря... Десять часов в Японию и одиннадцать на Таити. Я видел, как вы выходили из автобуса, Игнат Никодимович. После одиннадцатичасового перелета. В этом влажном климате. У вас был очень бодрый, здоровый вид. Это сейчас вы держитесь за сердце, а когда выходили из автобуса, выглядели гораздо лучше.

Я не думаю, что с болезнью сердца или с аритмией можно выдержать два таких перелета. Тем более что вы уже лечились в Центральной Европе, куда лететь только два-три ча-

са из Москвы. И наконец, самое главное. Если вы так боитесь, что вас найдут поделщики башкирских расхитителей, то зачем лететь так далеко, чтобы спрятаться? И лететь одному. Достаточно было нанять себе телохранителей. Судя по вашей одежде и часам, человек вы совсем не бедный. И каюта у вас – самая дорогая на корабле. Таких двухкомнатных сюитов на «Принцессе Таити» только десять. Четыре на шестой, четыре на седьмой и два на восьмой. Они могут быть расположены только с разных концов корабля. И вы занимаете именно такой сюит, который стоит целое состояние.

– Завидуете? – усмехнулся Игнат Никодимович.

– Нет. Только рад за вас. Но я задаю себе вопрос: зачем нужно было так рисковать, отправляясь на Таити. И вообще, почему вы появились у меня так быстро? Я подозреваю, что знаю ответ. Когда я стоял на палубе, несколько человек из вашей группы подняли головы. И кто-то из них узнал меня, и, очевидно, сказал об этом остальным. Вы случайно подтвердили мое предположение. Насколько я понял, вас информировал Борис Сигизмундович Ваккер, о котором вы любезно успели мне сообщить. Вы услышали его разговор и поняли, что у вас появился шанс. Я не знаю, зачем вы сюда прилетели и что собирались делать. Но я вам почему-то понадобился. И отнюдь не для охраны. Возможно, я должен выступить в качестве некоего прикрытия для вас или вашей деятельности. Пока не знаю точно, но не сомневаюсь, что какой-то конкретный план у вас есть.

Северцов нахмурился. Было заметно как он нервничает. Неожиданно он криво усмехнулся.

– Я слышал, что вы сложный человек, но не думал, что настолько, – признался Игнат Никодимович. – Я пришел к вам за помощью и готов был даже хорошо заплатить. А вы подозреваете меня в каких-то невероятных злодействах.

– Нет. Не в злодействах. Я только высказываю свое предположение, что вы были не совсем корректны в своих рассуждениях. И не до конца откровенны. Простите, но это моя профессия – уметь понимать и слушать людей.

– Вы так уверенно об этом говорите.

– Не совсем. Но вы даже не пытаетесь меня опровергнуть.

– Хватит, – нахмурился Северцов. – Я больше не хочу с вами разговаривать. Видимо, я ошибся. Извините. – Он поднялся, поправил очки, направляясь к выходу. Резко открыл дверь и, выходя, так же резко захлопнул ее за собой.

«Интересно, он даже не посмотрел в коридор, прежде чем выйти, – весело подумал Дронго. – Если он так боялся, что его обнаружат, и разыгрывал передо мной целый спектакль, умоляя не открывать двери, то почему тогда так спокойно вышел, уже ни о чем не беспокоясь. Нужно будет понаблюдать за этим странным человеком и попытаться понять, что именно он хотел и почему пришел сразу, как только узнал о том, кто именно находится на корабле. Отсюда можно сделать более конкретный вывод. Ему было важно узнать, кто такой Дронго, насколько он может быть опасен и как лучше

его использовать. На все эти вопросы он, очевидно, получил свои ответы в той или иной форме. И поэтому так быстро ретировался.

Дронго взглянул на часы. Нужно умыться и собираться на обед. Он прошел в ванную, открыл воду, чтобы помыть руки. И услышал стук в дверь. Чертыхнувшись, положил мыло, закрыл воду и прошел к входной двери.

На пороге стояла женщина лет сорока. Она строго глядела на Дронго, словно учительница на нашкодившего ученика начальных классов. Это была та самая женщина, которая первой вышла из автобуса. Он сразу узнал ее. Она, очевидно, не успела переодеться и была в том самом брючном костюме фисташкового цвета. Только успела снять свою большую шляпу. У нее были волосы, тронутые сединой, которые она, видимо, принципиально не красила. Крупные черты лица, упрямая линия губ. Светлые глаза неопределенного цвета. Большой нос. Родинка на правой щеке.

– Извините, что я вас беспокою, – сказала она по-русски, строго глядя на Дронго, – но мне передали, что Игнат Никодимович прошел в вашу каюту. А мне нужно с ним срочно переговорить.

– Кто вам об этом сказал? – осведомился Дронго.

– Феликс Павлович. Он как раз вместе с Северцовым прошел в службу размещения.

– Простите. Но я не знаю, кто такой Феликс Павлович, и не имею чести знать вас.

– Лилия Леонидовна Туманова, – представилась женщина, – я руководитель российской группы, представитель туристической фирмы. А Феликс Павлович Ефимов – сотрудник страховой компании, которая работает и с нами. Он ее вице-президент.

– Теперь понятно. Но господин Северцов покинул мою каюту минуту назад. Он действительно был здесь, и у нас состоялся с ним достаточно долгий разговор.

– Ясно. Извините, что я вас побеспокоила. А вы действительно тот самый эксперт, о котором я так много слышала.

– Не знаю, о ком именно вы слышали, – ответил Дронго. Кажется в этой группе собрались исключительно его поклонники, что вызывает некоторое удивление. И даже немного настораживает. Почему уже четверо прибывших должны о нем знать. Чего именно хотел Северцов? Если понять, почему он сразу нашел Дронго, то, возможно, он сумеет понять, чего он хотел. Что кроется за его желанием иметь подобного «телохранителя». Северцов ведь неглупый человек и должен был понимать, насколько опасно вообще входить в контакт с профессиональным экспертом. Но решил рискнуть.

– Сколько вас человек? – уточнил Дронго. – Я наблюдал с верхней палубы, когда вы выходили из своего микроавтобуса.

– Девять, – ответила Туманова, – шестеро мужчин и трое женщин. Мы вылетели все вместе из Москвы и добирались сюда через Токио.

– Судя по всему, Игнату Никодимовичу было тяжелее остальных, – предположил он.

– С чего вы взяли? – удивилась Туманова.

– Насколько я понял, у него больное сердце. Он говорил, что у него аритмия...

– Не может быть. Мы не направляем в такие поездки людей, у которых больное сердце. Они все сдают медицинские справки. Нет у него никакой аритмии. Иначе он бы просто не выдержал. А он чувствовал себя гораздо лучше других. И так здорово перенес оба перелета.

– Значит, я его неправильно понял, – кивнул Дронго, – и, кроме вас девятерых, больше никого не было из России?

– Нет. К сожалению, больше никого нет. Даже из Киева никто не прилетел. Обычно они вылетают вместе с нами, но на этот раз две украинские семьи, забронировавшие себе места, решили отказаться буквально в последний момент. Вы знаете – это даже удивляет. Ведь они точно знают, что по условиям контракта не имеют права отказываться от круиза за две недели до предстоящей поездки и им наверняка не вернут деньги. Но есть такие люди, для которых не жалко выброшенных денег.

– Из других стран СНГ тоже никто не прилетел?

– Нет. Они все летают через Москву. Кроме прибалтов.

– А прибалтов не было?

– Почему не было. С нами из Токио прилетели еще четверо туристов из Прибалтики. Можно сказать, «бывшие свои».

Они прилетели из Франкфурта в Токио немецкой «Люфганзой», а уже оттуда вместе с нами. Все четверо неплохо говорят по-русски.

– Они были вместе с вами в Токио? – переспросил Дронго.

– Да, и мы жили даже в одном отеле. В «Шератоне». А почему вы спрашиваете?

– Просто интересно. Но этих прибалтов не было в вашем микроавтобусе?

– Нет. Они приедут сюда сегодня позже. Вместе с немцами. Вы наверняка знаете этих прибалтов. Они изо всех сил стараются отделяться от бывших советских республик. Как будто мы не жили прежде в одной стране. Везде демонстрируют свое исключительное положение. И не хотят ездить с нами даже в одном микроавтобусе.

– Это их право, – заметил Дронго, – в таких случаях говорят, что «насильно мил не будешь». А немцы тоже оставались в вашем отеле?

– Конечно. И немцев было гораздо больше. Больше сорока человек. А прибалты между собой говорили по-немецки, но с нами общались на русском. Как раз за ужином мы разговаривали с ними. Там были эстонец, литовец и семейная пара пожилых латышей.

– Теперь все понятно. И вы летели тоже вместе?

– Из Токио вместе. Но, насколько я знаю, у наших прибалтийских друзей совсем другие каюты. Они же, как немцы или скандинавы, умеют считать деньги, не любят тратить их

просто так. Это не наши туристы, которые всегда выбирают самые лучшие каюты и самые красивые маршруты, не очень интересуясь ценой. Хотя в последнее время начали интересоваться. Раньше на Таити вылетали по двадцать – двадцать пять человек, а сейчас только девять, да и то одну можно не считать... – Она не договорила, только огорченно махнув рукой.

– Кто-то везет с собой своих знакомых, – понял Дронго.

– Да, – кивнула она, – так всегда было. В этих экзотических путешествиях некоторые позволяют себе развлечься, чтобы не летать сюда со своими женами. Но это в порядке вещей. Мы на такие мелкие нарушения не обращаем никакого внимания. Это не наше дело. Если кто-то бронирует себе сюит, чтобы оставаться там вместе со своей пассией, то на здоровье, это их личное дело. Мы в такие отношения не вмешиваемся. У меня были случаи, когда двое мужчин покупали себе большие каюты для приятного отдыха. И я полагаю, что туристическое агентство не обязано следить за нравственностью своих клиентов. Они имеют право покупать любой тур, любой отель и любое путешествие в той компании, в которой хотят его провести.

– Вы просто «подвижник туристического бизнеса», – пошутил Дронго.

– Раньше было гораздо лучше. – Она посмотрела на часы. – Я должна торопиться. Нужно еще найти Игната Никодимовича, чтобы он выбрал себе ресторан, где он собирается

обедать. Нужно заранее обо всем предупредить, здесь такие порядки.

– Обязательно, – кивнул Дронго, – до свидания.

– До свидания. – Она повернулась и пошла в другую сторону.

Он закрыл дверь. Итак, Северцов врал, когда говорил о своей болезни. Этот факт уже не вызывает никаких сомнений. Как сказала Туманова, «он здорово перенес оба перелета». Тогда что именно так беспокоит Северцова? Стоп. Он вылетел на Таити явно не для того, чтобы отдыхать. Возможно, у него была намечена здесь какая-то встреча. Если бы ему угрожала хоть малейшая опасность, он бы не отправился в такое долгое путешествие, ведь он сразу сбежал в Европу, когда его временно отстранили от занимаемой должности, и даже обнаружил у себя «аритмию». Но сейчас он летел сюда в полной уверенности, что будет в безопасности. Только исключительные обстоятельства могли заставить его сразу найти эксперта по вопросам преступности – едва услышав, что на корабле находится Дронго, он бросился к нему. Значит, в пути произошло нечто непредвиденное. Что именно? Пока приходится только гадать. Но нечто настолько важное, что он, даже не обосновавшись в своей каюте, сразу пошел искать эксперта. Тогда получается, что он был достаточно искренним, когда просил его защитить. Но только потому, что не был откровенным до конца и не говорил, от чего именно его следует защищать.

Дронго задумчиво прошел к креслу, где он сидел, разговаривая с гостем, и снова опустился на свое место. Итак, в дороге что-то случилось. И пока непонятно, что именно. А Северцову понадобилась защита. Интересно будет с ним встретиться еще раз.

Дронго не мог даже предположить, что уже сегодня ночью на борту «Принцессы Таити» произойдет убийство и он начнет поиски неведомого преступника.

Глава третья

На корабле было одиннадцать палуб. При этом пассажирские каюты располагались с третьей по восьмую, исключая пятую, на которой находилась галерея бутиков, основные рестораны и бары, а также казино и фотогалерея. На девятой палубе находились бассейн, спа-центр, фитнес-центр, салон красоты, сауна, залы для настольных игр и даже гольф-симулятор, создававший при помощи компьютерного изображения протянувшееся на многие сотни метров поле для игры в гольф. На десятой палубе находились итальянский ресторан «Сабатини» и ночной клуб. А на самой верхней, одиннадцатой, палубе были расположены площадка для загара и медицинский центр. Одним словом, корабль считался своеобразным пятизвездочным отелем, в котором можно было приятно и весело провести время. Некоторые туристы сразу направлялись в казино, некоторым нравились ночные клубы. Большинство с удовольствием посещало рестораны и бары, предпочитая наслаждаться чудесными видами островов Полинезии.

К обеду Дронго поднялся на десятую палубу, чтобы найти свой столик, за которым он теперь должен был появляться три раза в день. Столик был рассчитан на четверых. Согласно внутренним правилам, за каждым пассажиром закреплялось постоянное место в одном из ресторанов, где он мог по-

стоянно появляться. Однако любому пассажиру не возбранялось появляться и в многочисленных барах и других ресторанах.

Он не успел вытащить салфетку, чтобы положить ее к себе на колени, когда к нему подошла молодая женщина. Дронго сразу поднялся. Она была высокого роста, одета в светлое платье. Волосы пострижены в каре, зеленые глаза, тонкая линия губ, нос с небольшой горбинкой, придающий лицу неповторимость, плотная фигура. И внимательный, даже изучающий взгляд. Ей было не больше тридцати пяти.

– Добрый день, – сказала незнакомка по-французски, – кажется, это мой столик.

– Простите, но я плохо говорю по-французски, – пробормотал огорченный Дронго, – хотя понимаю английский и итальянский.

– Ничего страшного, – успокоила его неизвестная, усаживаясь за столик рядом с ним, – я говорю и по-английски. Позвольте представиться. Слепакова Нина Анатольевна.

– Я так и подумал. Вы из Москвы? – спросил он уже по-русски.

– Мне сказали, что вы из Рима, – удивилась Слепакова, – но вы так хорошо говорите по-русски.

– Вам правильно сказали. Я прилетел из Рима. Хотя иногда живу в Москве и в Баку. Меня обычно называют Дронго.

– Господин Дронго, – кивнула она, – я слышала, как про вас говорил один из членов нашей группы. Он сказал, что вы

идеальный сыщик. А наш руководитель еще пошутила, сказав, что не бывает идеальных сыщиков в неидеальном мире. Значит, вы – тот самый сыщик. Тогда все понятно.

– А вы прилетели с группой российских туристов из Москвы через Токио?

– Правильно. Неужели вы смогли узнать это по моему платью? Но я покупала его не в Токио, – лукаво улыбнулась Нина.

– Нет. Просто мне об этом рассказала руководитель вашей группы Лилия Леонидовна.

– Потрясающая женщина, – согласилась Слепакова, – она просто везде успевает. Значит, она успела познакомиться и с вами. Мне иногда кажется, что у нее есть такой небольшой моторчик, встроенный где-то рядом с сердцем. Словно она никогда не отдыхает и не спит.

– Для представителя туристической компании – это лучшая характеристика, – усмехнулся он.

– Наверно. Но для женщины очень утомительно.

– Неужели вы проживаете с ней в одной каюте? – не поверил Дронго.

– Нет. Для этого я слишком хорошо зарабатываю. А ей нет необходимости оставаться со мной. Она – с молодой леди, которая вообще не ночует с ней в одном номере. Так удобно. И самой Тумановой, и нашей юной «леди», – загадочно улыбнулась Слепакова.

– Мне говорили, что в вашей группе девять человек. С

Тумановой я уже познакомился. С Северцовым тоже.

– Игнат Никодимович? Уже успел. Он тоже человек «с моторчиком». Все успевает, везде поспевает. Неудивительно, что вы с ними познакомились. Он всегда был таким.

– Еще я слышал про Бориса Сигизмундовича Ваккера.

– Это наш второй ювелир, – кивнула Нина.

– А первый кто?

– Сам Северцов, он ведь работает в якутской алмазодобывающей компании.

– Два ювелира на одну группу – это достаточно много, – согласился Дронго. – А самого Игната Никодимовича вы до поездки знали? Вы сказали «он всегда был таким». Значит, вы его знали до поездки на Таити?

– Конечно, знала, – кивнула Слепакова, – он достаточно состоятельный человек. Его в Москве хорошо знают. Мы знакомы с ним уже лет пять или шесть.

– Вы знаете его по Москве, – уточнил Дронго. – А я думал, что он работает в Якутии.

– Нет, – улыбнулась она, – там добывают их алмазы. А центральный офис находится в Москве.

– В таком случае у меня сразу возникает вопрос. Кем вы работаете?

– Я отвечаю за распространение некоторых модных французских брендов у нас в Москве. И вообще по России и странам СНГ, – она перечислила несколько известных французских фирм.

– Интересно, – пробормотал Дронго, – теперь буду покупать изделия только от этих компаний. И всем буду хвастаться, что знаком с главным распространителем этой продукции.

– Я всего лишь ведущий специалист по закупкам, – улыбнулась она, – но все равно приятно. Спасибо.

– Значит, у вас в группе трое женщин и шестеро мужчин, – подвел своеобразный итог Дронго. – Из которых я слышал про троих. Еще в вашей «команде» вице-президент страховой компании Ефимов? Верно?

– Правильно. Но мне кажется, что его профессия как раз соответствует его образу жизни. Он такой осторожный и предусмотрительный. Удивляюсь, как он вообще согласился на такую поездку. Самолеты он явно не любит, может, он любит море?

– А остальные трое?

– Полный Интернационал. Алим Сафуанович Шакеев, из администрации Кемеровской области. Кажется, казах или башкир. Затем наш автомобильный «король» Вахидов Мамедага Керимович, он, по-моему, азербайджанец или лезгин. Говорят, что в Москве у него два автомобильных салона. И наконец, Валентин Дмитриевич Помазков. Он работает на бирже или нечто в этом роде. В общем, состав очень «звездный». И все, кроме Тумановой, селятся в отдельных каютах со своими иллюминаторами, а у Северцова даже большой двухкомнатный сюит.

– Третья женщина – очевидно, «леди», которая не остается в одной каюте с Тумановой?

– Как вы догадливы. Она остается с Вахидовым. Но он женат, и поэтому внешне все делается благопристойно. Она – с Лилией Леонидовной, а он – один. Кстати, у него тоже должен быть двухкомнатный сюит с балконом. Видите, какие у нас обеспеченные туристы.

– Что в этой компании делаете вы?

– Ничего. Просто решила позволить себе такую блажь. Нужно раз в жизни совершить безумный поступок. Вот я и взяла путевку в самую отдаленную от Москвы точку. Была еще и Новая Зеландия, но там не обещали подобного круиза. Вот я и решилась.

К их столу подошли сразу двое мужчин. Дронго поднялся, протягивая им руку.

– Можете говорить по-русски, господа, – предложила Нина, – наш гость понимает русский язык.

– Очень приятно, – обрадовался господин среднего роста, с круглой, словно блин, физиономией и несколько выпученными серыми глазами. Ресниц, казалось, у него не было. Феликсу Павловичу Ефимову шел сорок седьмой год. Рукопожатие у него было мягкое и слабое. А вот другой мужчина, напротив, энергично пожал руку Дронго. Это был тот самый Шакеев из администрации Кемеровской области, о котором говорила Слепакова. У него было типично казахское лицо, с узкими глазами, набухшими веками, большими мешками

под глазами. Короткие ноги, несколько несоразмерный торс, мощные руки и темные редкие волосы.

— Добрый день, — не очень приветливо сказал Шакеев, глядя на Дронго. В свою очередь Дронго назвал свое имя и фамилию.

Они сели за столик. К ним почти сразу подскочил официант, который любезно пояснил, что его зовут Поль и он теперь в течение всего круиза будет обслуживать уважаемых гостей. Поль говорил по-английски с большим французским акцентом. Лицо у него было типично азиатское, очевидно, он был уроженцем местных островов. Узнав, кто и что собирается выпить, он быстро кивнул и удалился, чтобы выполнить заказ.

За соседним столиком разместились Туманова, пришедшая сюда раньше других. Рядом с ней уселся пожилой грузный мужчина с огромной лысиной, которую он все время вытирал. Это был Борис Сигизмундович Ваккер. Третьим за столом оказался молодой человек лет тридцати. Он был высокого роста, с вытянутым худым лицом. Одетый в костюм, сшитый явно на заказ, он чувствовал себя не совсем уверенно, глядя по сторонам. У него были заостренные черты лица, длинный нос, большие уши, прижатые к голове. Помазков привстал, когда появился четвертый гость. Это был сам Северцов. Увидев Дронго, он недовольно отвернулся. И попросил Помазкова поменяться с ним местами, чтобы сесть спиной к Дронго. Помазков охотно выполнил его просьбу, даже

не удивляясь столь странному желанию. И Северцов оказался спиной к столику за которым сидел Дронго.

За другим столиком расположилась пара каких-то австрийских бургеров, пришедших сюда со своим флагом. На другие два места подошли высокий мужчина лет сорока с характерной кавказской внешностью и молодая женщина лет тридцати. Она двигалась достаточно легко, подняв голову и сознавая, какое впечатление производит ее модельная внешность. Грудь почти не были различимы за легкой блузкой, одетой, очевидно, на голое тело. Джинсы подчеркивали статность фигуры и длинные ноги. Девушка распустила волосы и входила в ресторан так, словно вышла на подиум. Она отчетливо понимала, как много мужчин и женщин смотрит на нее. Поэтому улыбалась чуть пресыщенной улыбкой и направлялась к своему столику, не глядя по сторонам. Дронго обратил внимание, как чуть нахмурилась сидевшая рядом Слепакова. Она тоже заметила, как напряглись многие мужчины, увидевшие вошедшую в зал красивую молодую женщину.

– Наша «леди», – чуть слышно сказала Слепакова, – Зоя Владиленовна Ихелина. Подруга самого Вахидова. Я считаю их достаточно красивой парой. А вы как думаете?

– Не знаю. Мне трудно оценивать мужскую красоту. Но его спутница действительно красивая молодая женщина.

– Она вошла в пятерку самых красивых женщин России, – сообщила Слепакова, – кажется, пять или шесть лет назад, – безжалостно добавила она.

– Я думал, ей меньше, – признался Дронго.

– Удачный макияж и хорошая фигура, – ревниво заметила Слепакова. – Ей уже под тридцать. И в этом возрасте пора определяться. Поэтому она ищет себе подходящего «спонсора» на оставшуюся жизнь. А Вахидов, говорят, обладает состоянием в два или три миллиарда долларов.

– Если он «автомобильный король», то боюсь, что ее выбор не совсем правильный, – тихо сказал Дронго.

– Почему? – повернулась к нему Слепакова.

– Они разоряются в первую очередь, – пояснил он, – сейчас из-за экономического кризиса повсюду наметился спад автомобильной промышленности. Продажи автомобилей падают на двадцать и тридцать процентов.

– Я думаю, что у него хватит денег, чтобы закончить круиз и вернуться домой в Москву, – заметила Слепакова. – Но все равно нужно будет подсказать ей, чтобы она не очень ставила на эту «лошадку».

– Подсказывать будете вы? – поинтересовался Дронго.

– Нет, вы. Мне она все равно не поверит. Решит, что я ей просто завидую.

– Вы всегда так откровенны с незнакомыми людьми?

– Нет. Я просто говорю то, что думаю. И не пытаюсь выглядеть лучше. Это мой стиль. Откровенность всегда ценится больше, чем ложь или затушеванная правда. По роду своей работы я привыкла высказывать претензии, не обращая внимания ни на какие громкие имена.

Поль принес заказанные напитки. Минеральную воду без газа для Дронго, свежевыжатый апельсиновый сок для Нины Слепаковой, виски для Шакеева и газированную минеральную воду для Ефимова. Он раздал меню гостям, чтобы они выбрали, какие именно горячие блюда хотели бы заказать.

Трое из сидевших за столом выбрали рыбу, Шакеев заказал для себя мясо. Обед начинался с традиционного приветствия от шеф-повара, небольших закусок, после которых подавали салаты.

Дронго обратил внимание, как сидевший недалеко от него Ваккер достал коробочку с таблетками и, немного морщась, вытащил одну таблетку, запивая ее водой. Очевидно, это было лекарство.

В общий зал вошла большая группа людей. Послышалась немецкая речь. Это были немецкие туристы. Четыре человека уселись за столик, стоявший недалеко и один из них кивнул в знак приветствия Слепаковой. Та кивнула в ответ.

– Наши бывшие «соседи», – улыбнулась она, показывая на эту четверку. Прибалты. С правой стороны – супруги Зигнитис из Риги. Обоим уже под шестьдесят, но они отправились в эту поездку, не думая о своем возрасте. Тот, который со мной поздоровался, – это литовец Роберт Пятраускас. Он работает инженером в немецкой компании. Кажется, химической. А рядом молодой человек – это эстонец Юлиус Талвест. Он вроде специализируется на продаже земельных участков. А супруги Зигнитис имеют свой магазин по про-

даже ювелирных изделий. Они были с нами в Токио.

– Опять ювелиры, – улыбнулся Дронго. – Кажется, их количество уже превосходит статистически возможную погрешность.

– Ювелиры обычно бывают богатыми людьми, – возразила Нина.

– Вы говорите о ювелирах, – оживился Ефимов, – это всегда очень осторожные и пунктуальные люди.

– Они все проходимцы и аферисты, – грубо прервал его Шакеев, – только дай им возможность, и они сразу тебя проведут. Я никому из них не доверю. Типично еврейская профессия – надувать клиентов.

– Не нужно так говорить, – нахмурился Дронго, – я вообще не люблю крайних проявлений. Особенно антисемитизма.

– А я думал, что вы мусульманин, – пробормотал Шакеев, – судя по вашей фамилии.

– Это значит, что я автоматически должен быть антисемитом? – усмехнулся Дронго. – У вас извращенные представления о том, каким должен быть мусульманин.

– Весь мир не любит евреев, – отмахнулся Шакеев, – и не только мусульмане. Христиане их тоже терпеть не могут. Вот у нас за столом двое русских. – Он показал на Слепакову и Ефимова. – Спросите их, и они вам тоже скажут. Христиане еще больше нас не любят евреев. За что им любить этот народ? Тысячи лет занимались ростовщичеством, зарабатыва-

ли деньги, работали банкирами и перекупщиками.

— Может, потому, что в Европе им не разрешали работать в других местах, — напомнил Дронго. — И насчет христиан вы не совсем правы. Я знаю по крайней мере одну еврейскую семью, которая почитается во всем христианском мире.

— Какая это семья? Эйнштейн? Или Маркс? — зло спросил Шакеев.

— Нет. Иисус Христос и его мать, дева Мария. Надеюсь, вы не станете отрицать, что они были евреями. Кстати, в мусульманском мире их называют Исой и девой Марьям и почитают как святых.

Ефимов осторожно улыбнулся. Слепакова, не выдержав, засмеялась. Шакеев нахмурился, но больше спорить не захотел.

— Интересно, — подумал Дронго, — откуда такая нелюбовь к евреям и ювелирам. Очень интересно. Нужно будет поговорить с этим Шакеевым более подробно. И еще один интересный факт. Похоже, что четверо из прибывших имеют отношение к ювелирам. Случайное совпадение или у них была назначена встреча именно здесь? Но почему тогда Северцов испугался. Или сделал вид, что испугался? Он взглянул на затылок сидевшего спиной к нему Северцова. Даже по его плечам было заметно, как он нервничает. Очевидно, ему было неприятно чувствовать на себе взгляд Дронго после недавнего разговора.

Посмотревший в их сторону Борис Сигизмундович что-

то сказал своим спутникам. Туманова кивнула в знак согласия, а Помазков повернулся и посмотрел на Дронго. Очевидно, Ваккер снова сказал, что знает Дронго, и показал где он сидит. Северцов вновь не повернулся, даже рискуя вызвать недоуменные вопросы у своего коллеги. Дронго подумал, что рискнет поспорить с любым из присутствующих, что уже к вечеру Северцов поменяет ресторан, в котором будет обедать и ужинать. В течение первого дня можно было менять свой выбор, который затем закреплялся на весь рейс.

Глава четвертая

Ровно в семнадцать часов по местному времени «Принцесса Таити» под восторженный рев пассажиров и оставшихся на причале зевак отошла от острова Таити, направляясь в сторону другого острова – Хуахина. Нужно представить себе, насколько далеко находятся эти места от так называемого цивилизованного мира, хотя Французская Полинезия юридически считается заморской территорией Франции. Таити – один из самых больших островов вулканического происхождения и занимает территорию больше тысячи квадратных километров. Он состоит из двух горных массивов, высотой до двух с половиной километров, которые соединены друг с другом достаточно узким перешейком. Главным административным центром и портом Таити является Папее́те, где и швартуются океанские корабли с туристами. Население острова превышает сто двадцать тысяч. Таити, как и другие острова, входит в так называемые острова Общества, названные в честь Лондонского королевского общества, где в общей сложности проживает около двухсот тысяч человек, из которых почти треть китайцы и много метисов франко-таитянского происхождения. Почти все острова – вулканического происхождения, окруженные коралловыми рифами. Тропический морской климат характерен для этой части Тихого океана. Осадков выпадает достаточно много, но температура

держится в диапазоне от двадцати до двадцати восьми градусов. В некоторых местах острова покрывают влажно-тропические леса, где растут бананы, ананасы, цитрусовые, кокосовые пальмы, сахарный тростник, кофе, хлопчатник.

После того как обед закончился, Дронго решил немного прогуляться по кораблю. Он прибыл сюда вчера поздно ночью и не успел рассмотреть внутренние помещения огромного океанского лайнера.

Корабль поражал своими размерами и комфортом. Хотя ему было далеко до признанных гигантов – например, «Куин Мери два» была больше в два раза, длиной триста пятьдесят один метр и высотой в семьдесят два метра, с общим водоизмещением более ста пятидесяти тысяч тонн. Самое поразительное, что он мог одновременно перевезти около трех тысяч пассажиров при экипаже более чем в тысячу двести человек. Но такие невероятные гиганты не бороздили океанские простора в этой части земного шара. Она работали на линиях между Старым светом и Америкой или вокруг Европы.

Дронго обходил палубу за палубой, направляясь вниз. На четвертой палубе у лифта он увидел табличку «ресепшн» и туристическое бюро. Это его несколько озадачило. Тогда получилось, что, едва успев закинуть свои вещи в двухкомнатный сюит, Северцов поспешил спуститься на четвертую палубу, чтобы уточнить, в какой каюте остановился Дронго. И самое интересное, что при этом он должен был обязатель-

но знать имя и фамилию человека, скрывающегося под этой кличкой. Северцов сообщил, что Ваккер успел сказать ему и об этом. Интересно, откуда у Бориса Сигизмундовича такая информация?

Дронго вошел в службу размещения, где за столом сидела приятная девушка, явно китаянка. Ей было не больше двадцати пяти. Он поздоровался и обратился к ней на английском языке.

– Я прилетел из Рима, – сказал Дронго, – но на самом деле проживаю в Москве. И мне интересно знать, где живут представители российской группы, прибывшие сюда сегодня днем.

Девушка улыбнулась и включила свой компьютер.

– Назовите ваш номер, – попросила она.

– Восемьдесят тридцать восемь, – ответил Дронго, – у меня сюит с балконом. Но мне нужны данные на российскую группу. Их руководитель Туманова сообщила мне, что они все находятся на седьмой палубе.

– Верно, – кивнула китаянка, – все на седьмой. Они сняли два больших сюита с балконами. Каюты семьдесят один четырнадцать и семьдесят один девятнадцать. Господа Северцов и Вахидов. – У нее получилось Сиверсов и Висидов, но Дронго ее понял.

– Между ними две каюты с балконами, – продолжала девушка, – номера семьдесят один шестнадцать и семьдесят один двадцать один. В одном живет господин Ваккер, в дру-

гом господин Ефимов.

– И еще рядом три каюты. Семьдесят один ноль семь, ноль девять и одиннадцать. Там находятся госпожа Слепакова, господин Шакеев, господин, простите здесь так написана его фамилия, господин По... по... по... муз... кив. Или нет, господин Помазив. Или нет. Помазиков...

– Я понял. И все?

– Нет, не все. С левой стороны еще одна большая каюта с балконом. Номер семьдесят один ноль четыре. Там остаются две дамы. Сама госпожа Туманова и госпожа... Иселина, или нет...

– Я все понял, – улыбнулся Дронго, – большое спасибо. Но сюда прилетели еще и несколько человек из Прибалтики. Это тоже наши бывшие соотечественники. Можно посмотреть, где они остановились. Кажется, они прилетели с группой из Германии.

– Прибалтика? – обрадовалась девушка. – Я знаю Прибалтику. Я была в Таллине. Два дня. Мне там очень понравилось.

– Посмотрите, пожалуйста, где живут четверо прибалтов. У латышей фамилия Зигнитис. А литовца фамилия Пятраускас.

Китаянка начала смотреть в своем компьютере.

– Они тоже живут на седьмой палубе, – обрадовалась она, – все четверо. У господ Зигнитис тоже большая каюта с балконом. Семьдесят двадцать два. А вот у господина Пятра-

ускаса каюта внутренняя – семьдесят шестьдесят восемь. И у господина... Талвеста из Эстонии тоже внутренняя каюта – семьдесят шестьдесят два. Но все они на седьмой палубе.

– Как удобно, – согласился Дронго. – А где живут немцы, приехавшие с прибалтами.

– Немцы обычно самые экономные. Как японцы, – улыбнулась она. – Они живут на шестой палубе и не снимают сюитов.

– Не сомневаюсь. Очевидно, они знают цену деньгам, – согласился Дронго, – большое вам спасибо. До свидания.

Он вышел в коридор, направляясь к лифту. Что это? Обычное совпадение, когда всех прибывших из одной страны поселили вместе, на одной палубе. Или намеренный выбор таких кают. Но для чего? Зачем? Откуда Ваккер знает его настоящую фамилию? Почему в этих двух группах оказалось сразу четверо людей, имеющих отношение к ювелирам. Интересно, что из прибывших пассажиров один страховщик, а другой из провинции, но не любит ювелиров, а еще больше – ювелиров-евреев. С самим Северцовым знакомы были до поездки Слепакова и Туманова. Как много совпадений. Так просто они не могли произойти.

Лифт поднял его на десятую палубу, где уже можно было прогуляться и подышать свежим морским воздухом. Он задумчиво смотрел на удаляющийся остров Таити.

– Добрый день, – услышал он за спиной вкрадчивый голос, – извините, что я отрываю вас от ваших мыслей.

Он повернулся. Рядом стоял Ваккер. Невысокого роста, с мясистым лицом, крупными, немного выпученными глазами. Он был в беретке и темной рубашке с длинными рукавами.

– Ничего, – ответил Дронго, – разве мы знакомы?

– Я Борис Сигизмундович Ваккер, – церемонно представился подошедший. – А вы господин Дронго?

– Меня обычно так называют. Но я знаю, что вам известны и моя фамилия, и даже имя.

– У нас много знакомых, – вздохнул Ваккер. – У меня очень много друзей-адвокатов, которые хорошо вас знают. Я слышал от них много восторженных слов в ваш адрес. Говорят, что вы лучший эксперт в области анализа преступности. И мы встречались на приеме в сигарном клубе.

– Если учесть, что я вообще только один раз там был, то это действительно невероятное совпадение, – согласился Дронго, – особенно учитывая тот факт, что я за всю жизнь не выкурил ни одной сигары и ни одной сигареты.

– Вы не поверите, но я тоже, – взмахнул руками Борис Сигизмундович, – с детства не выношу даже дыма. Но иногда приходится ходить и в подобные места. Положение обязывает. Особенно когда встречаешься с интересными людьми. Мне тогда показал вас господин Сафаров. Он ведь, кажется, был генералом таможенной службы.

– Да, – кивнул Дронго, – мы с ним дружим семьями.

– Можете себе представить, как мне было приятно встре-

тить здесь знакомого, – улыбнулся Борис Сигизмундович, – я даже успел рассказать о вас членам нашей группы.

– Это я тоже знаю, – ответил Дронго, – ко мне уже успели зайти некоторые члены вашей группы.

– Наверное, Игнат Никодимович, – вздохнул Ваккер, – он как раз интересовался вашей фамилией, чтобы разыскать вас. Говорил, что у него к вам срочное дело.

– Он рассказал мне о своем деле. А вы давно с ним знакомы?

– Достаточно давно. Он ведь уже много лет работает в своей компании, а все известные ювелиры так или иначе связаны с его фирмой. К тому же он был столько лет руководителем финансового отдела и фактически заместителем Раздольского.

– Который неожиданно покончил жизнь самоубийством? – уточнил Дронго.

– Кто вам об этом сказал? – нахмурился Борис Сигизмундович. – Я его прекрасно знал. Он не мог этого сделать. Никогда не поверю, что Леонид Маркович мог решиться на подобное. Никогда не поверю, – упрямо повторил он. – Кто вам сказал о самоубийстве? Неужели Игнат Никодимович? И Северцов тоже считает, что это было самоубийство? Но этого не может быть. Он всегда считал, что Раздольского убили.

– Возможно, я его не так понял, – согласился Дронго, – но кому выгодно было убивать заместителя генерального директора?

– Вы уже начали свое расследование, – улыбнулся Ваккер, хитро подмигивая своему собеседнику. – Может, вы вообще не случайно оказались на нашем корабле? Это было бы очень интересно – присутствовать при вашем расследовании. Только учтите, что это было давно. Почти полтора года назад. И искать сейчас виноватых почти бесполезно.

– Я и не пытаюсь. Просто вы о нем сами вспомнили. А почему вы решили отправиться в такое экзотическое путешествие? Насколько я мог заметить, за обедом вы принимали какие-то таблетки, очевидно, чувствуете себя не очень хорошо...

– У меня больная печень, – сообщил Борис Сигизмундович.

– И сейчас на эту прогулку вы надели беретку и теплую рубашку.

– Я вообще не хожу без головного убора, – заметил Ваккер, – тем более здесь, когда поднимается ветер. Это только на Таити я мог позволить себе не надевать беретку или панаму. Да и рубашку нужно надевать при всех моих болячках.

– Тогда зачем вы отправились в это путешествие? Человек вы уже не совсем молодой и к тому же ездите со своим лекарством. Неужели вам было так важно посетить именно Таити. А говорят, что ювелиры обычно самые прагматичные люди.

– Может, в душе я скрытый романтик, – увернулся от ответа Борис Сигизмундович. Он посмотрел по сторонам. Бы-

ло заметно, как он начал нервничать. Очевидно, ему явно не понравились вопросы Дронго.

– Пойду и немного полежу, – быстро сказал он, – до свидания. Рад был с вами увидеться.

– Спасибо. Я тоже.

Борис Сигизмундович поспешил отойти. Дронго подумал, что это уже второй ювелир, который не захочет с ним ужинать. Наверняка они оба поменяют свои рестораны. Интересно, какая тайна связывает этих двоих людей, решившихся на такое дальнейшее путешествие.

Он прошел дальше. На смотровой площадке несколько десятков американцев и европейцев любовались закатом. Слышались их восторженные голоса. Предупредительные стюарты разносили спиртное, прохладительные напитки и легкую закуску. Он подошел к пустому креслу и уселся в него. Взглянул в сторону заката. Ему казалось, что здесь он узнает какую-то невероятную тайну, прибыв в эту самую отдаленную точку земного шара. А столкнулся здесь с обычными человеческими интригами и подозрениями.

Он услышал, как за его спиной кто-то сказал по-русски с характерным эстонским акцентом, который почти невозможно было спутать.

– Вы тумаєте, что т-такое может произойти именно здесь?

– Не знаю, – торопливо ответил другой, – я уже ничего не понимаю. Они все время меняют правила игры. Эта сволочь

Северцов может всех нас обмануть. Зачем нужно было везти нас в такую даль?

«Помазков, – понял Дронго, – это тот самый молодой человек, который сидел за одним столом с Северцовым. Неужели и он, и этот эстонец тоже прибыли сюда из-за Игната Никодимовича. В таком случае Северцов был прав. Ему действительно нужна охрана от всей этой своры, следующей за ним по пятам на край света».

– Не нужно никому знать, что мы знакомы, – предложил говоривший с эстонским акцентом. Сомнений не оставалось. Это был Юлиус Талвест, который прилетел в Токио с немецкой группой.

– А я никому и не собираюсь об этом говорить, – резко заметил Помазков, – я вообще потратил кучу денег, чтобы добраться сюда. И хочу каким-то образом вернуть свои деньги.

Они отошли от кресла. Дронго осторожно наклонился, посмотрел вслед уходящим. Итак, получается, что практически все прибывшие так или иначе связаны с Северцовым.

Он дождался, пока они уйдут, и поднялся, возвращаясь в свою каюту. Нужно было переодеться к ужину. Согласно строгому этикету в ресторане «Сабатини» нужно было появляться в костюме. Дамы надевали вечерние платья, а мужчины передевались в смокинги или костюмы. За завтраками и обедами была более демократическая обстановка. Дронго переоделся, затянул галстук. Разумеется смокинг он с собой не привез, не рассчитывая надевать его в такую погоду. Но

три легких костюма захватил, понимая, что подобный дресс-код будет почти обязательным.

К ужину он появился, переодевшись в серый костюм. За столом уже сидел Ефимов, одетый в светлый костюм. Сразу вслед за Дронго появился Шакеев. У него были темные брюки и светлый пиджак без галстука. Только явившаяся с некоторым опозданием Слепакова вполне соответствовала окружающей обстановке. Она была в роскошном вечернем наряде с открытой спиной и на высоких каблуках.

– Обувь от Сальваторе Феррагамо, – сразу опередил Дронго, – а платье от Альберто Ферретти.

– Вы прекрасно выглядите, – сказал он Слепаковой, – теперь я вижу, какой вы отличный специалист. Судя по Феррагамо и Ферретти.

– Не может быть, – растерянно произнесла Нина, – откуда вы узнали эти марки. Это эксклюзивная обувь, ее не завозили в Москву. Хотя вы живете в Риме. Но все равно, каким образом?

– Обувь и дизайнерское платье можно сразу определить, – пожал плечами Дронго, – разве вы не определяете с первого взгляда, какой костюм или платье надето на вашем собеседнике. Вы можете сказать, какой у меня костюм?

– Конечно. Сейчас это «Бриони». По лацканам пиджака и немного приталенной фигуре я сразу узнаю их стиль.

– Вот видите. Будем считать, что я тоже немного разбираюсь в этих марках одежды.

– Вы интересный человек, – задумчиво произнесла она.

В зал ресторана вошли Вахидов со своей спутницей. Он был одет в обычные джинсы и майку с изображением каких-то слонов, очевидно, из Таиланда. Она была в легком платье. К ним подскочил метрдотель, начавший что-то быстро объяснять, но Вахидов отмахнулся, намереваясь пройти дальше. Метрдотель упрямо продолжал твердить что-то свое по-французски. Очевидно, Ихелина его поняла и попыталась перевести своему спутнику, но Вахидов упрямо отмахивался. К ним поспешила Туманова, которая владела французским. Она перевела требование метрдотеля к гостю ресторана переодеться в более подобающий вид.

– Я заплатил целую кучу денег вашему агентству, чтобы одеваться, как я хочу, – громко ответил Вахидов. – Скажи ему, что завтра я приду на ужин в шортах, и пусть он попробует меня не пустить. Я выброшу его с корабля.

– Простите, – метрдотель был ровно вдвое ниже Вахидова, – я вынужден настаивать на нашем требовании заменить ваш костюм. У нас такие требования.

– Я буду одеваться так, как я хочу, – почти кричал Вахидов.

На них обращали внимание. Пассажиры переговаривались между собой. Очевидно, многие поняли, что именно происходит.

– Эти «русские» всегда так себя ведут, – сказал кто-то из англичан.

Дронго поднялся, направляясь к раздраженному Вахидову. Они были почти одного роста, но Дронго был гораздо шире в плечах. Он схватил Вахидова за локоть.

– Не кричите, – попросил он, – и не позорьте себя и свою спутницу. Выйдите из зала и вернитесь сюда в пиджаке. Это не так трудно. А если у вас нет пиджака или костюма, я могу одолжить вам свой. Или вы можете его купить в галерее бутиков.

– Кто ты такой? – разозлился Вахидов. – Откуда ты взялся?

Он попытался вырвать свою руку, но Дронго сжал ее словно железными тисками.

– Я пройду на свое место, – упрямо сказал Вахидов, снова попытавшись вырваться. На этот раз Дронго убрал руку, чтобы не привлекать внимания остальных.

– А ты иди отсюда подальше, – посоветовал ему Вахидов.

– Это господин Дронго, – вмешалась Туманова, – и пожалуйста, не нужно устраивать скандал. Мы ведь присылали вам информацию о вечернем дресс-коде и вы подписывали наши договоры. Не нужно так нервно воспринимать их желания. Здесь такие правила.

Зоя взглянула на Дронго. От нее исходил легкий аромат неизвестного ему парфюма. Очевидно, она заказывала себе подобные ароматы в Арабских Эмиратах, где готовили эксклюзивные парфюмы по индивидуальным заказам.

– Вы тот самый эксперт, о котором говорил Борис Сигиз-

мундович? – уточнила она, глядя ему в глаза.

– Возможно, я ведь не знаю, про кого именно вам говорил господинг Ваккер.

Она прикусила губу, чуть улыбнувшись. Вахидов заметил ее откровенный взгляд и окончательно потерял голову, хватая ее за руку.

– Я буду ужинать в этом ресторане, – крикнул он с явным вызовом, – и меня никто не остановит.

– Вас могут высадить на берег, – предупредила его Лилия Леонидовна, – у них есть право так поступить.

– Кто посмеет меня отсюда убрать? – не поверил Вахидов.

– Капитан корабля, – пояснила Туманова, – он может принять такое решение. На вашем месте я просто поменяла бы ресторан. Спуститесь в другой, где дресс-код заранее не объявляют, и можете ходить туда все время в шортах и в вашей майке.

Дронго улыбнулся. Вахидов заметил его взгляд и еще больше разозлился.

– Мы будем ужинать в другом ресторане, где нет такого правила, – громко сказал он, – я перехожу в другой ресторан. Это я могу сделать или мне нужно просить разрешение у этого мерзавца? – показал он на испуганного метрдотеля.

– В течение первых суток вы можете поменять свой ресторан, – сразу сказала Туманова, – но здесь вы больше не сможете появляться во время традиционного времени обедов и ужинов. Только после того, как здесь будут оставаться

свободные места.

– И не нужно, – отмахнулся Вахидов, – пошли они к черту. Еще будут мне советовать, что именно надевать. Пойду к нашим «золотарям», – ухмыльнулся он, – а с тобой мы потом поговорим, – угрожающе прошептал он, обращаясь к Дронго.

Схватив за руку свою спутницу, он вышел из зала ресторана.

– Он еще и не очень образованный человек, – с огорчением произнес Дронго, – обычно «золотарями» называли людей, которые вычищали дерьмо. А он, очевидно, так называет ювелиров, которых здесь нет. Нужно будет указать ему на его ошибку, Лилия Леонидовна.

– Зачем? – пожала она плечами, – пусть говорит что хочет. Это не наше дело.

– А ювелиры тоже отказались? – спросил Дронго.

– Да. Оба попросили перенести их места в другой ресторан. Но это их право, пусть обедают и ужинают где хотят. А завтраки все равно по желанию.

– Они оба попросили вас об этом вместе или каждый по отдельности? – задал последний вопрос Дронго.

– Конечно, не вместе. Каждый пришел ко мне и попросил перенести его ужин в другое место. Вот теперь и Вахидов с Зоей. Похоже, что мы будем теперь есть здесь только впятером. Я с Полозковым и трое наших за вашим столиком. Если откажется еще кто-то из наших, то мне придется переходить

туда, где они будут. По правилам, я должна столоваться в том месте, где обедает большая часть группы.

– Я почему-то был уверен, что они так и поступят, – сказал Дронго, возвращаясь на свое место.

– Что у вас там произошло? – недовольно спросил Шакев. – Не могли разобраться без крика?

– Не получилось, – виновато ответил Дронго, – надеюсь, что больше господин Вахидов здесь не появится.

– Вы смелый человек, – очень тихо произнесла Слепакова. – Вы всегда лезете туда, куда вас не просят?

– Почти всегда. Это натура моего характера. И часть моей профессии.

– Будьте осторожны, – посоветовала ему Нина, – у этого типа не очень хорошая репутация. Говорят, что он связан с криминальным миром.

– Успокойтесь, – сказал Дронго, наклоняясь к ней, – больше, чем я, никто из присутствующих пассажиров не может быть связан с этим миром. Поэтому в любом случае у меня будет преимущество.

Они улыбнулись друг другу. До убийства одного из членов российской группы оставалось около пяти часов.

Глава пятая

После ужина пассажиры вышли на палубы, отправились в казино, ночной клуб, бары. Многие молодые и не очень молодые люди впервые знакомились на этом корабле, уже в первую ночь решаясь и на более близкое знакомство. В таких путешествиях все идет по гораздо более сжатой программе.

Дронго вышел на палубу вместе с Ниной Слепаковой. В эту жаркую ночь в южных тропиках каждая капля выпитого алкоголя пьянила гораздо сильнее, чем в северных широтах. За обедом они пили красное вино. Не больше двух бокалов. Но после ужина вышли на палубу, где он заказал себе джин с тоником, а она коктейль с вермутом.

За небольшим столиком на прогулочной палубе они сидели, почти соприкасаясь друг с другом. Он снял пиджак, повесив его на спинку своего стула. Закатал рукава рубашки. Развязал галстук и повесил его на пиджак. Ей тоже было жарко в ее вечернем наряде.

– Я с ужасом думала, что буду делать в этой поездке, – признавалась Слепакова, – когда мы садились в самолет в Москве. Можете себе представить: наши ювелиры, которые никак не похожи на приятных спутников для общения, вечно недовольный Шакеев, похожий на шипящую воблу, осторожный Ефимов, который даже громко здороваться боится. Юный Помазков, который занят только своими цифрами. И

больше никого. Из возможных самцов – только Вахидов, но он летел вместе со своей подругой. Не понимаю, зачем он так глупо маскируется и каждый раз записывает Зою на номер вместе с Лилией Леонидовной. Все и так понимают, с кем именно он остается.

– У него могут быть свои причины, – пожал плечами Дронго, – возможно, он женатый человек и не хочет слишком афишировать свои отношения.

– Конечно, женатый. По-моему, все уже понимают, с кем он приехал. Даже иностранцы.

– Интересно, – пробормотал Дронго. – Но зачем ему нужна была эта поездка. Ведь он мог улететь куда-нибудь в любое другое место вдвоем, где его никто не знает. А он полетел именно сюда. Получается, что он хотел попасть именно в вашу группу.

Она нахмурилась, но не стала с ним спорить.

– Вам нужно быть осторожнее, – сказала Нина, – все не так просто, как вы думаете.

– Надеюсь, что все не так плохо, – усмехнулся Дронго. – Значит, вы считаете, что единственный мужчина в группе – это наш бравый Вахидов?

– А вы так не думаете? Но он был занят. Хотя для меня он слишком брутален. И потом, я принципиально не встречаюсь с женатыми мужчинами. В этом есть что-то не совсем правильное.

Дронго подумал, что она еще не задала ему этого вопроса.

И он знал, что не сможет соврать. Или не захочет.

– Зато с вами оказались четверо прибалтов, – напомнил Дронго.

– Ну, не смешите, – возразила она, – пара латышей просто граждане предпенсионного возраста. Эстонец – это заторможенный тип, с который нельзя даже нормально разговаривать. Остается литовец, но его, по-моему, женщины не очень интересуют. Я полагала, что на корабле будет несколько сотен красивых и загорелых мужчин, а оказалось, что здесь в основном старики и влюбленные пары. Обидно...

– Вы так откровенно об этом говорите.

– Мне уже тридцать семь, – откровенно ответила Слепакова, – в моем возрасте пора думать либо о замужестве, либо о рождении детей. Замужество мне не очень интересно, я достаточно независимый и самостоятельный человек, сумевший сделать себе карьеру и зарабатывающий по нынешним временам приличные деньги. Значит, нужно найти подходящего самца для подобной операции.

– Зачем так грубо. Вы красивая и умная женщина. В данном случае это не комплимент. Я полагаю, что очень много мужчин могли бы только мечтать о подобной спутнице жизни.

– Не нужно меня успокаивать, – усмехнулась она. – У вас есть сигареты?

– Нет. Я не курю.

– Жаль. А я оставила свои в каюте.

– Может, мне заказать сигареты? В баре их должны продавать.

– Ничего. Обойдусь. Тем более вы не курите. Так вот, не нужно меня утешать. Я ведь говорила вам об этом не для того, чтобы вы меня успокаивали. Конечно, есть много мужчин, которые бы хотели со мной встречаться. Но дело в том, что я не хочу с ними даже видаться. Слабее меня мужчины мне просто не интересны, а если он будет сильнее меня, то я не смогу его долго выносить...

– Вы уже проводили подобный эксперимент? – понял Дронго.

– Да, – гордо подняла она голову, – проводила. Я встречалась с одним человеком, который и сейчас занимает очень высокий пост. Он был сильным, умным, богатым, даже красивым человеком. Но с одним недостатком. Он привык командовать. Всегда и во всем. В том числе и в постели, и в личной жизни, и в отношениях с женщинами. Я полагала, что мне нужно приспособиться, полагала, что женщина обязана терпеть. Но всякому терпению рано или поздно приходит конец. Нет, он ничего особенного не делал. Просто он привык, что все и всегда должно быть так, как он говорит. Такой тип восточного мужчины, не терпящего возражений. – Она отвернулась.

– Не нужно больше ничего рассказывать, – предложил Дронго.

– Нет, я хочу. Иногда нужно высказаться. Так вот, он был

очень сильным человеком. И не терпел никаких возражений. Мы прожили вместе четыре месяца. Больше выдержать я не могла. Вот такой «эксперимент» я уже провела. Впечатляет?

– Не очень, – ответил Дронго, – неужели все так печально?

– Нет. Просто есть люди, не предназначенные для семейной жизни. Мужчины и женщины. Как правило, говорят об убежденных холостяках-мужчинах. Считается, что любая женщина изначально мечтает выйти замуж и убежденных холостяков-женщин просто не бывает. Даже слова такого не может быть. Холостая женщина. Непривычное словосочетание. Холостой мужчина – это понятно. А женщина может быть только брошенной, оставленной, разведенной, одинокой или вдовой, наконец. Но не «убежденным холостяком». Но в свои тридцать семь я осталась такой одинокой женщиной, которая не хочет идти замуж только потому, что так нужно. Я даже подумывала об искусственном оплодотворении. Говорят, что известная актриса Джоди Фостер так и сделала...

– Она сделала это потому, что не любила мужчин, – заметил Дронго. – Насколько я знаю, у нее была несколько иная сексуальная ориентация.

– С этим у меня все в порядке, – усмехнулась Нина, – любовниц у меня еще не было и, надеюсь, никогда не будет. Слишком непривычно для меня.

– Вы так потрясающе откровенны.

– Я же сказала вам, что это мой стиль.

Он поднял руку и попросил стюарда повторить их заказ. Почти сразу тот принес оба стакана, забирая пустые. Дронго попробовал свой напиток. Он был достаточно холодным.

– Добрый вечер, госпожа Слепакова, – услышал он голос подошедшего Роберта Пятраускаса. Литовец был чуть выше среднего роста, подтянутый, худощавый.

– Здравствуйте, Роберт, – кивнула она ему, – вы знакомы? Господин Дронго, господин Пятраускас, – мужчины пожали друг другу руки.

– Садитесь, – предложил Дронго.

– Нет, – ответил Роберт, – я ищу господина Талвеста. Он обещал подождать меня в казино, но там его не было. Вы его нигде не видели?

– Нет, – ответил Дронго, – возможно, он в одном из баров. Посмотрите там.

– Я так и сделаю, – кивнул Пятраускас, отходя от них.

– Жаль, что я не попросила у него сигареты, – сказала Нина.

– Может, мне вернуть его, – предложил Дронго.

– Не нужно. Кажется, появился другой человек, который сможет мне помочь. Зоя, у тебя нет сигарет, – крикнула Нина, обращаясь к появившейся за спиной Дронго Ихелиной. Та успела переодеться и была теперь в легком изумрудном платье, которое не скрывало ее купальный костюм.

Зоя подошла к ним. Взглянула на Дронго. Он подумал, что она действительно очень красивая женщина.

– Я не взяла, – ответила Зоя, глядя ему в глаза. – А разве ваш спутник не может заказать вам сигареты?

– Думаю, что могу, – ответил Дронго. Он все еще не сиделся.

– Может, вы сядете, – нервно предложила Нина, – чтобы не стоять у меня над головой.

– Нет, – ответила Зоя, – мы с моим другом сидим в баре, и я вышла на палубу, чтобы немного подышать свежим воздухом. Нет, нет. Извините меня, я тороплюсь.

Она быстро отошла от них. Дронго проводил ее долгим взглядом.

– Кажется, вы жалеете, что она так быстро от нас ушла, – сухо заметила Слепакова.

– У нее есть свой спутник, – возразил Дронго, снова усаживаясь рядом с ней, – а я не люблю выступать в роли «бойцового петуха». Это тоже не мой стиль.

– Я думала, что вы намного жестче. Значит, из нас двоих именно у меня более агрессивный и наступательный стиль.

– Возможно, не всегда нужно проявлять подобный стиль. Агрессивный и безапелляционный, – задумчиво произнес Дронго. – Мужчин он обычно пугает.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.